

УДК 343.34 (5)
ББК 67.408.131 (5)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОКАЗАНИЮ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ: ОПЫТ АЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ

А. В. Гайворонский

Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Проводится сравнительно-правовой анализ уголовно-правового регулирования ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в Российской Федерации и ряде государств Восточной и Юго-Восточной Азии (Китайская Народная Республика, Япония, Малайзия). Особое внимание уделяется особенностям конструкции составов преступлений, степени формализации объективной стороны, дифференциации ответственности в зависимости от сферы услуг и характера наступивших последствий. Показано, что ст. 238 УК РФ, обладая преимуществами универсальности и системности, в то же время недостаточно учитывает повышенную общественную опасность отдельных видов услуг. Китайская модель характеризуется предметной дифференциацией ответственности, жесткой превентивной направленностью и возможностью привлечения к уголовной ответственности юридических лиц. Японское законодательство демонстрирует ярко выраженный материальный характер составов и концентрацию ответственности в рамках одной общей нормы о профессиональной неосторожности (ст. 211 УК Японии). Малайзийский подход отличается значительной ролью специального законодательства и гибридным характером регулирования. На основе проведенного анализа обосновывается целесообразность введения в российское уголовное законодательство элементов предметной дифференциации ответственности за оказание небезопасных услуг с учетом степени потенциальной общественной опасности конкретных сфер услуг.

Ключевые слова: уголовная ответственность, безопасность услуг, ст. 238 УК РФ, сравнительный анализ, КНР, Япония, Малайзия, дифференциация, общественная опасность

CRIMINAL LAW MEASURES TO COUNTERACT THE PROVISION OF SERVICES NOT MEETING SAFETY REQUIREMENTS: EXPERIENCE OF ASIAN STATES.

A. V. Gaivoronsky

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

The article conducts a comparative legal analysis of criminal law regulation of liability for the provision of services that do not meet safety requirements in the Russian Federation and selected states of East and Southeast Asia (People's Republic of China, Japan, Malaysia). Particular attention is paid to the specific features of the construction of criminal offense elements, the degree of formalization of the objective side, differentiation of liability depending on the sphere of services, and the nature of the consequences incurred. It is demonstrated that Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, while possessing advantages of universality and systemic coherence, at the same time insufficiently accounts for the heightened public danger inherent in certain types of services. The Chinese model is characterized by subject-specific differentiation of liability, a pronounced preventive orientation, and the possibility of holding legal entities criminally liable. Japanese legislation exhibits a clearly expressed material nature of the offense elements and the concentration of liability within a single general norm on professional negligence (Article 211 of the Criminal Code of Japan). The Malaysian approach is distinguished by the significant role of special legislation and the hybrid nature of regulation. Based on the analysis conducted, the expediency of introducing into Russian criminal legislation elements of subject-specific differentiation of liability for the provision of unsafe

services is substantiated, taking into account the degree of potential public danger posed by specific spheres of services.

Keywords: criminal liability, service safety, Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation, comparative analysis, People's Republic of China, Japan, Malaysia, differentiation, public danger

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)2.20](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)2.20)

В условиях ускоренного развития сферы услуг и глобализации экономических отношений проблема уголовно-правового противодействия оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности, приобретает особую актуальность, поскольку напрямую затрагивает здоровье и жизнь граждан, а также устойчивость общественного порядка. По официальным данным Росстата в 2023 г. доля добавленной стоимости сферы услуг в структуре ВВП Российской Федерации достигла 56,9%, а в 2024 г. этот показатель вырос до 57,53%. Одновременно общий объем платных услуг, оказанных населению, в 2023 г. составил 15,1 трлн руб. (рост на 6,9% к 2022 году), а в 2024-м уже 15,6 трлн руб. (рост на 3,3% к 2023 г.).

Эти цифры свидетельствуют о том, что сфера услуг вышла за рамки вспомогательного сектора и превратилась в один из главных драйверов экономического роста: именно в ней в 2024 г. фиксировались наиболее высокие темпы прироста валовой добавленной стоимости, например в гостиничном и ресторанном бизнесе (+9,6%), в информационных технологиях и связи (+11,9–12%), в торговле (+6,9%) [1].

Такой стремительный количественный рост сферы услуг неизбежно сопровождается увеличением количества хозяйствующих субъектов, повышением сложности оказания услуг и, к сожалению, увеличением числа нарушений требований безопасности. Как справедливо отмечает А. И. Коробеев, в условиях цифровизации и бурного развития рынка услуг объективно возрастает потенциальная общественная опасность деяний, связанных с оказанием небезопасных услуг, поскольку последствия таких нарушений могут затрагивать неограниченный круг потребителей и носить массовый характер [2]. В российском законодательстве присутствует уголовно-правовой механизм противодействия оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности, — это ст. 238 УК РФ.

В связи увеличением числа нарушений в сфере услуг неизбежно повышается число преступлений, что подтверждается судебной статистикой: в 2024 г. по ст. 238 УК РФ осуждено 685 лиц (с учетом всех частей), с 94 прекращенными делами по иным основаниям, а за первую половину 2025 г. — уже 304 осужденных [3]. Для более эффективного противодействия небезопасным услугам, мы считаем, необходимо обратиться к зарубежному опыту для оптимизации правоприменения.

Обращаясь к зарубежной практике регулирования данного вопроса, особое внимание уделим опыту ряда азиатских государств, в частности Китайской Народной Республики (далее — КНР), Японии и Малайзии, поскольку эти страны близки по показателям доли сферы услуг в ВВП по отношению к Российской Федерации; согласно статистике Всемирного банка Китай — 56,75% (2024), Япония — 69,77% (2023), Малайзия — 53,58% (2024), Россия — 57,53% (2024).

Анализ нормативных подходов данных стран позволит выявить как общие тенденции в уголовно-правовой политике, так и специфические национальные особенности, которые могут быть полезны для совершенствования отечественного законодательства.

КНР представляет собой государство с наиболее жестким и централизованным подходом к обеспечению безопасности продукции и услуг, где уголовная ответственность за нарушения в этой сфере носит ярко выраженный превентивный и карательный характер. В Уголовном законе КНР, в отличие от УК РФ, в котором содержится уголовно-правовая норма, предусматривающая ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, отсутствует единая статья, однако ответственность за оказание небезопасных услуг и сбыт опасной продукции распределена по нескольким нормам, с акцентом на тяжкие последствия. Проанализировав уголовный кодекс КНР, мы обратили внимание на четкую дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от видов услуг, которые представляют повышенную опасность, по сравнению с иными, менее опасными услу-

гами. В частности, в главе II, посвященной преступлениям, угрожающим общественной безопасностью, предусмотрены следующие нормы.

Ст. 133 УК КНР устанавливает ответственность за нарушение правил транспортных перевозок, повлекшее серьезную аварию с человеческими жертвами или значительным ущербом имуществу. Таким образом законодатель подчеркнул важность защиты общественной безопасности в сфере транспортных услуг, как одной из потенциально опасных. Транспорт рассматривается как источник повышенной опасности, а нарушение правил — как поведение, способное повлечь различные последствия.

Далее, ст. 134 УК КНР содержит норму о халатном отношении к административным обязанностям в производственной сфере, включая принуждение рабочих к рискованным заданиям на заводах, в горнодобывающей промышленности или строительстве, что приводит к авариям с жертвами или серьезными последствиями. Значимость этой нормы в том, что законодатель криминализует управленческую халатность как прямую угрозу безопасности услуг на производстве, подчеркивая ответственность должностных лиц за несоблюдение нормативов, а также то, что субъектами преступления выступают руководители, работники.

Ст. 137 УК КНР устанавливает ответственность за нарушение государственных правил строительства, проектирования или надзора, приводящее к занижению стандартов качества и несчастным случаям с угрозой безопасности. В отличие от ст. 238 УК РФ, в которой предусматривается ответственность за ненадлежащее оказание услуг в целом, без специфики строительства, китайская модель предусматривает повышенную ответственность в сфере строительства, как одной из значимых и опасных сфер услуг.

Наконец, ст. 146 УК КНР криминализует производство или реализацию продукции, не соответствующей стандартам безопасности для жизни и здоровья, включая электрооборудование или взрывчатые вещества. Важность этой нормы — в ее ориентации на потребительские услуги, где государство защищает здоровье и жизнь через строгую ответственность за несоответствие стандартам безопасности. Можно провести аналогию с нашими стандартами — ГОСТами, которые, носят рекомендательный характер, в отличие от китайских стандартов, делающих их обязательными [4].

Такая структура УК КНР подчеркивает акцент на предотвращении рисков в наиболее уязвимых областях, где небрежность может привести к массовым последствиям для общества. Аналогичная градация наблюдается и в положениях о преступлениях против общественного здоровья, где акцент делается на услугах, связанных с инфекционным контролем и медицинскими поставками.

Отличительной чертой уголовного законодательства КНР от УК РФ является возможность привлечения к уголовной ответственности не только физических лиц, но и юридических, которая предусматривается в Общей части УК КНР, ст. 30 [5, с. 128]. Полагаем, что такой опыт является позитивным для нашего законодательства, поскольку современная экономическая преступность в нашей стране все чаще носит организационный, корпоративный характер. Как справедливо указывал А. В. Федоров в своих исследованиях, «без введения института уголовной ответственности юридических лиц современное общество недостаточно защищено от корпоративной преступности (преступности юридических лиц), направленной на получение максимальной прибыли любой ценой, а честный бизнес попадает в неравные конкурентные условия по сравнению с бизнесом криминальным» [6, с. 7].

Стоит отметить, что китайский законодатель сочетает меры экономического воздействия с лишением свободы, создавая тем самым многоуровневую систему устрашения. Несмотря на преобладающее в китайском обществе резко отрицательное отношение к гуманизму по отношению к преступникам, в последние годы в КНР последовательно проводится курс на более цивилизованную уголовно-правовую политику [7].

Далее рассмотрим уголовное законодательство Японии.

В японском уголовном законодательстве основная ответственность за причинение вреда вследствие оказания небезопасных услуг (включая медицинские, строительные, транспортные и т.д.) предусматривается ст. 211 «причинение смерти или телесных повреждений по неосторожности при исполнении профессиональных обязанностей». Эта норма охватывает большинство случаев, когда оказание услуги, не отвечающей требованиям безопасности, привело к реальному вреду здоровью или жизни. Именно по ст. 211 УК Японии квалифицируются ятрогенные преступления, аварии на производстве,

строительные обрушения и т. п., если вина исполнителя (врача, инженера, руководителя) установлена как неосторожная [8, с. 180].

Такой подход подчеркивает принцип объективного вменения, где вина устанавливается не только по субъективным намерениям, но и по несоблюдению профессиональных стандартов, регулируемых также Министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии.

Принципиальное отличие ст. 211 УК Японии от ст. 238 УК РФ заключается в том, что ответственность наступает только при реальном причинении смерти или телесных повреждений вследствие профессиональной неосторожности, т. е. состав преступления материальный, а не формальный. В Японии отсутствует отдельная уголовно-правовая норма за само создание опасности для жизни или здоровья без наступления вреда; в таких случаях применяются специальные нормы, где преобладают административные санкции [9].

В заключение перейдем к анализу уголовного законодательства Малайзии. В уголовном кодексе Малайзии не предусмотрено отдельной универсальной нормы, предусматривающей ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, как в УК РФ. Особенность законодательства в том, что источником уголовного права является не только Уголовный кодекс, но и иные законы. Так, например, основной механизм уголовно-правового регулирования услуг, не отвечающих требованиям безопасности, сосредоточен в Законе о защите прав потребителей 1999 г. № 599 (Далее — Закон № 599) [10], где ст. 21А вводит общее требование безопасности услуг: «Никто не должен предоставлять, предлагать или рекламировать предоставление каких-либо услуг, которые не являются достаточно безопасными с учетом всех обстоятельств, включая... их влияние на жизнь, здоровье и имущество людей». «Министр вправе объявить услуги (запрещенными), если они привели или могут привести к травме, с обязательным отзывом, прекращением предоставления и рекламы за счет поставщика; нарушение этих положений влечет уголовную ответственность по ст. 25 Закона № 599 в виде штрафа до 250 000 ринггит или лишения свободы до 3 лет (при повторных нарушениях — до 500 000 ринггит или 5 лет)».

Такое разделение источников обусловлено историей, так как структурой малайзийской правовой системы, которая сочетает элементы общего права, унаследованные от британского колониального периода, с федеральным устройством и влиянием исламского права в отдельных сферах. В связи с этим Малайзия имеет несколько источников уголовного закона и даже несколько уголовных кодексов. Российский ученый А. Р. Сюкияйнен в своей работе, посвященной мусульманскому уголовному праву, отмечает: «Специфика влияния шариата на уголовное право Малайзии и Нигерии, имеющих федеральное устройство, заключается в действии основанного на исламских принципах законодательства на уровне отдельных штатов, где мусульмане составляют большинство населения. Например, в Малайзии к таким территориям относится штат Келантан, в котором в 1993 г. был принят шариатский Уголовный кодекс. Он, в частности, предусматривает исламские меры наказания за нарушения „хууд“ (из традиционного их перечня исключен лишь бунт), но применяется только к мусульманам, совершившим преступления на территории данного штата» [11, с. 100].

В этом и заключается особенность уголовно-правового противодействия услугам, не отвечающим требованиям безопасности, множественность источников позволяет интегрировать указанные средства в гражданско-правовые законы, что делает систему более гибкой, но и менее централизованной.

На основе сравнительно-правового исследования зарубежного опыта уголовно-правового противодействия оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности, в ряде азиатских государств можно прийти к следующему выводу. Норма ст. 238 УК РФ в целом обладает определенными преимуществами, однако она не лишена недостатков, поскольку недостаточно учитывает повышенную потенциальную опасность отдельных сфер услуг. Например, последствия ненадлежащего оказания банковских или парикмахерских услуг намного меньше, чем транспортных, развлекательных и иных опасных услуг, при несоблюдении которых может наступить опасность здоровью и жизни. Особого внимания заслуживает предметная дифференциация уголовной ответственности в зависимости от уровня потенциального вреда для жизни, здоровья и имущества граждан, как это реализовано в Уголовном законе КНР.

Считаем целесообразным внедрить в российское уголовное законодательство дифференциацию уголовной ответственности за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, с учетом повышенной общественной опасности отдельных сфер, например транспортные услуги, услуги строительства, развлекательные и иные, аналогично подходу, реализованному в Уголовном законе КНР. Которая, в свою очередь, помогла бы охранять жизнь и здоровье потребителя от услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

Анализ уголовного законодательства Японии и Малайзии показал определенные преимущества ст. 238 УК РФ перед аналогичными в УК Японии и в законах Малайзии. Особенностью ст. 238 УК РФ является ее универсальность и то, что ч. 1 выступает формальным составом преступления, что дает возможность противодействовать наступлению последствий услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Статистика за 2023–2024 гг. Росстат: Официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 04.01.2026).
2. Коробеев А. И. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. IV. Преступления против общественной безопасности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2016. С. 512.
3. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде. URL: <https://cdep.ru/?id=79>.
4. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. СПб., 2001. С. 297.
5. Чучаев А. И., Коробеев А. И. Уголовный кодекс Китая: сплав правовой мысли и национальной специфики. Ч. 1 // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 2. С. 119–133.
6. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 248 с.
7. Федяев А. Е. Историко-правовые аспекты применения наказаний по традиционному уголовному праву Китая // Вестник БЮИ МВД России. 2003. № 5. С. 44–55.
8. Заряев В. А., Иванченко О. С., Иванченко Р. Б. Историческое развитие и сравнительный анализ уголовно-правовых мер противодействия ятрогенной преступности в России и за рубежом // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 178–183.
9. Criminal Law of Foreign states. General part / ed. by I. D. Kozochkin. Moscow, 2001. P. 451.
10. Закон о защите прав потребителей 1999 г. № 599 Малайзии. URL: www.lawyerment.com/library/legislation/acts/1999/599/ (дата обращения 19.01.2026).
11. Сюкияйнен А. Р. Мусульманское уголовное право: Теоретические основы и современная практика // Современное уголовное право и криминология: Сб. научн. тр. М., 2007. С. 80–106.